

Луччо Карачоло

Геополитика Иоанна Павла II

Иоанн Павел II умер, будучи великим Папой. Его похороны стали событием мирового масштаба. Многие из критиков и противников Папы склонили головы в знак уважения перед его личностью, которой суждено остаться навсегда в истории человечества. Некоторые католики, в том числе и представители высшего духовенства, хотя и вполголоса, но упрекали Папу в том, что он был чересчур «поляком», что не придавал должного значения управлению религиозной системой. То есть в том, что он не занимался прямыми обязанностями епископа г. Рима и Главы Вселенской Церкви, отдавая все свое время общению с верующими.

Однако Папа посвятил себя самой важной миссии – популяризации Евангелия, распространению евангелического вероучения. Все остальное отходило на второй план. Вот слова итальянского историка Андреа Риккарди, президента общества Святого Эгидия: «Если бы я занимался курией, у меня не было бы времени сделать все то, что я сделал и что должен был сделать». Главной миссией Папы, в которую он глубоко верил, стала евангелизация мира. Папа обладал необыкновенно мощной харизмой пастыря, позволявшей ему объединять миллионы людей, он свободно изъяснялся на разных языках, что до него не мог ни один папа. Все это в нашу мультимедийную эпоху давало ему неоспоримое преимущество. Уже только по одной этой причине папство Иоанна Павла II остается непохожим ни на одно другое.

Но насколько глубоко был понят этот Папа? На чем основывается его величие, которое было признано всеми? Какое влияние имели взгляды Иоанна Павла II на европейскую и, как следствие, на мировую геополитику?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо рассмотреть европейский аспект в более широком контексте деятельности Вселенской Церкви в период правления Папы Войтылы. Почти исключительно по демографическим причинам экспансия границ Церкви становится приоритетным направлением политики Ватикана скорее для Африки, Азии и Америки, чем для Европы. В частности, следует обратить самое пристальное внимание на феномен США, России и Китая, которые занимают особое место во внешней политике Святого престола и духовной миссии Иоанна Павла II.

Географическая духовность

«Меня пытаются понять снаружи, хотя понять меня можно только изнутри», – сказал однажды Иоанн Павел II своему постоянному биографу, американскому социологу Джорджу Вайгелю. Некоторые люди считали Папу представителем правого крыла, победителем в крестовом походе против «Империи зла», символом победы капиталистического Запада над советским Востоком. Другие считали его левым, потому что он защищал «зерно истины» марксизма, социальную основу утопической теории равенства.

Обе интерпретации не имеют смысла. Иоанн Павел II был мистиком Истины, миссионером евангелизации. Он рассматривал все происходящее в более длительных хронологических рамках, где «правые» и «левые» представляют лишь временные, преходящие явления. Все это не мешало ему культивировать свою особую геополитику, основанную на масштабах иного уровня. Евангелие не признает понятий «широта» и «долгота». Миссия Папы состоит в том, чтобы донести Слово до каждого уголка земли. «Мую духовность можно назвать немного географической, – пояснял Иоанн Павел II. – Папа

должен обладать универсальной географией». Вполне географическим выглядит его видение мира. Например, когда в Ватикане он принимал визитеров *ad limina*, перед ним всегда был раскрытый атлас и карта епархии, о которой шла речь.

Главным пунктом геополитики Войтылы было неприятие разделения мира: между Западом и Востоком вчера, между Севером и Югом сегодня. Имея за плечами польский опыт, твердо убежденный в том, что культура преобладает над экономикой и политикой, папа пришел к выводу, что коммунизм намного слабее, чем это могло показаться с первого взгляда. Советская система была обречена на гибель, в том числе и потому, что марксистская антропология отрицала трансцендентное кольцо, характерное для любого человека. Таким образом, папа-философ опроверг приговор, который Маркс вынес капитализму.

Далее. Папа не принял первый «конец истории», т. е. разделение мира на коммунистический и капиталистический блоки. Вплоть до Павла VI церковь признавала де-факто железный занавес – Тордесиллас современной эпохи. Среди иерархов Ватикана произошел раскол на сторонников *Ostpolitik* и непримиримых западников. Однако оба направления воспринимали как должное разделение мира на два блока. Но только не Кароль Войтыла. Он считал, что коммунистическая «ложь» может и должна быть развенчана.

В рамках американской геополитики это означало выступление в поддержку «политики отката» вразрез с «политикой сдерживания». Нет ничего удивительного в том, что в восьмидесятые годы между польским Папой и таким ярким антикоммунистом, каковым был Рональд Рейган – изобретатель термина «Империя зла» (8 марта 1983 г.), сложились отношения полного взаимопонимания. «Было налицо естественное совпадение интересов, которое побуждало функционеров Белого дома сотрудничать с представителями Ватикана. Такого рода сотрудничество носило форму обмена данными спецслужб», – писал впоследствии Уильям П. Кларк, наиболее влиятельный советник американского президента в интервью *Catholic World*

Report в ноябре 1999 г. Кроме себя, Кларк упомянул католиков Уильяма Кэйси, тогдашнего директора ЦРУ, и Вернона Вальтерса, посла при ООН, как главных действующих лиц «триумфального сотрудничества» между Ватиканом и США, связующим звеном которого был представитель Папы в США Пио Лаги, в те времена апостольский нунций в Вашингтоне, а в наши дни кардинал.

Все это, однако, не помешало Войтыле назначить в 1979 г. государственным секретарем кардинала Агостино Казаролли, архитектора политики разрядки по отношению к Востоку. Тактическая хитрость позволила Папе воспользоваться диалогом, который стал возможен в результате успешных действий дипломатии Ватикана, как средством проникновения *in partibus infidelium*, несмотря на то, что Казаролли был настроен пессимистично, поскольку, как и все, не верил в скорую кончину Советской империи. Что касается «ультраправых», то они впали в аналогичную ошибку при оценке перспективы СССР, и поэтому прилагалось немало усилий, направленных против проникновения коммунизма на Запад. По оценкам геополитики Войтылы – действия не только недальновидные, но и совершенно бесполезные.

Утверждая приоритет прав человека и свободы вероисповедания на всех пяти континентах, Папа использовал это в качестве инструмента в деле делегитимизации слабеющей коммунистической системы, и начало такой деятельности было положено в его родной Польше. И после распада СССР, в то время как многие были заражены духом триумфаторства, Папа неустанно продолжал свою миссию в деле христианизации мира.

Столкновение двух империй

На данном этапе начинаются проблемы с Америкой. Других сверхдержав в мире более не существовало: остались только Соединенные Штаты. Казалось, что иногда Папу это очень удручает. Проблема состояла еще и в том, что его

универсальный геополитический подход не позволял ему ни с кем идентифицироваться, даже с «торжествующим» Западом. Войтыла подходит к самой сути проблемы. В мире насчитывается 2 миллиарда христиан. Римские католики – это 1 миллиард из 6 миллиардов населения всей планеты. В мировом масштабе верующие-католики составляют меньшинство. Заметное, влиятельное, но все-таки меньшинство. Католическая церковь не должна восприниматься как западная, если ею поставлена цель проповедовать миру свою веру. Очень важно соблюдать это условия для пограничных стран, особенно в Азии.

В девяностые годы отношения между понтификом и американским президентом не были уже похожи на отношения восьмидесятых годов. Клинтона с большой натяжкой можно было рассматривать как образец для верующих. Вседозволенность и потребительство являются для Церкви более опасными противниками, нежели марксизм, поскольку их антирелигиозность носит более скрытый характер. Возникают трения, непонимание и даже конфликты между двумя геополитическими центрами мира, Ватиканом и Вашингтоном.

Геополитическая деятельность Иоанна Павла II должна рассматриваться в контексте его стремления избавиться от опеки Америки. Начнем с войны в Заливе. Его осуждение «Бури в пустыне» мотивируется тем фактом, что «во время второй фазы война приобретает не оборонный, а скорее карательный характер» и становится все более похожей на «религиозную войну» (интервью итальянской газете „La Stampa”, 2.11.1993 г.). В общем Папа не намеревался благословлять крестовый поход против Ислама. В этом свете понятнее становится обмен мнениями, который произошел между Войтылой и американским президентом Джорджем Бушем 16 января 1991 г., накануне бомбардировок Багдада. Иоанн Павел II возносил молитвы за мир в «надежде, что руководимый им (Бушем) альянс одержит победу и жертв будет немного». *Si vis bellum, para pacem*. Данный выбор предполагал, *ante litteram*, отказ от теории «столкновения цивилизаций» Хангтингтона. По мнению влиятельного

политолога Гарварда, в нынешних конфликтах преобладает тенденция противопоставления народов, принадлежащих к различным культурам. Все это противоречит устремлениям Церкви, которая ратует со времен энциклики *Ecclesiam Suam* («Его Церковь») за единение религий и цивилизаций. Осторожность Папы в случае с арабскими странами - его отказ изолировать «плохих», которым государственным департаментом был дан ярлык «государств-изгоев» и которые после 11 сентября были причислены к «Оси зла», - исходит не только из христианских принципов, но из желания не быть обвиненным в угодничестве по отношению к Западу. Жертвами такого поведения могли стать местные католические общины, а также процесс евангелизации в целом.

В Европе после восьмидесятых геополитические векторы американцев и Ватикана сближаются. Но не всегда и не везде. Обратимся к югославскому случаю. Здесь Папа допускает, на его взгляд, серьезную экуменическую ошибку, которую он впоследствии сам и признает. Признав одностороннем порядке Словению и Хорватию, т. е. варварское разделение Югославии, Святой престол изолировался не только от Вашингтона, но и от всех остальных государств. Поддержка поступила только со стороны австрийцев и немцев. Казалось, что Церковь стремилась присвоить себе авторство в рождении двух «католических государств». Особый геополитический выбор Ватикана - случай с Ливаном, когда стремление маронитов основать собственное конфессиональное государство контролировалось Римом.

Конечно же, сделать ошибку Папе помогло хорватское лобби в Ватикане, а также его тогдашний «министр иностранных дел», ныне кардинал Жан-Луи Тауран, который в августе 1991 г. по возвращении из миссии в Югославии доложил следующим образом: «Святой Отец, Югославии больше нет. В Загребе у меня было впечатление, что я нахожусь в Вене, а во время пребывания в Белграде мне казалось, что я в Стамбуле».

Затем Косово. В отношении «гуманитарной войны» Святой престол старался сохранять нейтралитет. Не было осуждаю-

щих высказываний, но не было и поддержки. Повлияло желание не захлопывать дверь перед носом у православных верующих. Необходимо отметить, что за десять лет югославских войн неоднократно возникали моменты разногласий между американской позицией, которая много раз претерпевала изменения, и подходом Ватикана. Несмотря на усилия Папы, католическая церковь и по сей день продолжает рассматриваться как западное явление. Более того, в бедных странах антихристианская пропаганда рисует ее как олицетворение богатого и эгоистичного Севера. Трудно найти что-нибудь более обидное для тех, у кого даже имя носит вселенский характер.

Наконец, 11 сентября и реакция американцев. На фоне войны в Ираке оживают старые разногласия и взаимное недоверие. Папа недвусмысленно высказался против войны, и не только потому, что считал, что судьбы иракских христиан будут лучше защищены Саддамом, чем его возможными преемниками. В общем смысле, Иоанн Павел II не хотел, чтобы его имя связывали с крестовым походом Запада и «христиан» против исламского мира, а не против террористов. Папа, который немало сделал для разрушения Берлинской стены, не хотел, чтобы возникла другая стена: между Европой и Востоком, которая могла бы отделить нас от пестрой вселенной мусульманского мира. Отсюда постоянное внимание к диалогу с мусульманами, которое не ослабевало даже в самые горячие периоды войны.

Тем не менее, глубокого раскола между Иоанном Павлом II и Джорджем В. Бушем не произошло. Вне разногласий по проблемам войны, лидеры двух крупнейших современных империй – одна исключительно духовного характера, другая экономико-военного – чувствовали общность взглядов на фундаментальные ценности: проблемы семьи, запрет абортов, однополые браки. Если их разделяли вопросы геополитики, то другие общечеловеческие ценности сближали.

Начало в Европе (и в России)

Папа Войтыла рассматривал мир дифференцированно. Для Папы геополитическим трамплином в процессе евангелизации пограничных территорий стала Европа. Вся Европа. Кто не понимает Европу – не поймет весь мир. Любая форма размежевания нашего континента: геополитического, экономического, но особенно культурного и религиозного, была бы непоправимой ошибкой. Ошибкой, которую не хотел совершить Войтыла. Во время празднования юбилея Папа настаивал на верности «легким» христианства: западному и восточному. Наряду с основателем западного монашества Святым Бенедиктом (480-547), с 31 декабря 1980 г. Войтыла объявил святыми Кирилла (827-869) и Мефодия (825-885), первых проповедников Евангелия среди славян, «сопокровителей Европы». К ним добавляются во время европейского Синода другие символические личности: святые Бриджида ди Швеция (1303-1373), Катерина да Сиена (1347-1380), Эдит Штейн (1891-1942). В католическом мире такой подход никогда не получал единодушного одобрения. Не разделяли его в прошлом и не разделяют его сейчас некоторые влиятельные движения: западноевропейские традиционалисты (чье влияние ощутимо во Франции, представители которого есть в самой курии и государственном секретариате), национал-католики Восточной Европы (поляки, чехи, хорваты, венгры). Некоторые из них весьма снисходительно относятся к проявлениям антисемитизма и ксенофобии. Принципиальная разница состояла в том, что Папа рассматривал Европу в контексте мира, в то время как они в своем понимании Европы не выходили за ее пределы.

Необходимо отметить, что Папа разделял с национал-католиками убеждение (иллюзию?) в том, что в посткоммунистических обществах, которые прошли через испытание атеократией, существует резерв более зрелой веры, которой так не хватает потребительскому обществу. И этот резерв Римско-католическая церковь намеревалась использовать с тем, чтобы воспрепятствовать вседозволенности светских обществ.

Кардинал, примас Польши, Юзеф Глемп боялся непредсказуемого развития событий, и поэтому Запад и ООН «старались ослабить страны Восточной Европы таким образом, чтобы они при вступлении в европейское сообщество не стали для нас угрозой со своим духовным потенциалом» (август 1995 г., речь на празднике Успения и по случаю 75-ой годовщины победы Красной Армии). В отличие от солипсистов из Варшавы и Будапешта, Папа не верил в то, что православные – это переодетые коммунисты. Для Иоанна Павла II не существовало Варшавской (духовной) стены. Речь шла о том, чтобы «европеизировать территорию континента». Эта задача не должна смешиваться «с расширением границ на Восток», т. е. с обращением православных в римско-католическую веру (пастырская поездка в Австрию, июнь 1998 г.). Будучи патриотом Польши, Папа прекрасно понимал разницу между епископом Рима и архиепископом Кракова. Если задача последнего – способствовать духовному росту прихожан своей епархии, то задача Папы состоит в евангелизации всего мира. Обе цели могут войти в противоречие друг с другом. Польский национал-католицизм, имеющий глубокие русофобские корни, подпадает под влияние антиэкуменических тенденций. Он признает только одну Церковь – Церковь Петра. Все остальное – ересь, которая должна быть уничтожена. Если бы Папа принял такую концепцию – которую он должен учитывать в любом случае, то с самого начала ему пришлось бы расстаться с идеей Европы от Атлантики до Урала.

Папская концепция по отношению к восточной Церкви зашла в тупик. Образ Первого Рима на православных территориях – это по-прежнему образ потенциального агрессора, в том числе и в силу некоторых агрессивных действий со стороны дипломатии Ватикана (иной раз против воли Папы). Случай, когда сам Войтыла канонизировал хорватского кардинала Алоизия Степинача (1898-1960), не является примером диалога с православными. Кроме того, назначение епископов польского происхождения в епархии на территории России вызвало крайне негативную реакцию со стороны Московского

Патриарха. По сей день за пределами *limes*, обозначенного расколом 1054 г., преобладают сторонники геополитики, противодействующие национал-католицизму. Для православных высокопоставленных лиц Москвы, Белграда и Афин на повестке дня стоит только один вопрос – остановить нашествие католицизма.

Остается еще выяснить, в какой степени падение железного занавеса можно отнести к заслугам Иоанна Павла II. На основании анализа отношений Святого престола с Америкой и Россией можно заключить, что деятельность Папы имела существенное влияние на события 1989-1991 гг. (начиная с падения Берлинской стены и заканчивая развалом СССР). Главным образом потому, что, в отличие от своих предшественников, Папа Иоанн Павел II никогда не смог принять коммунизм как данность для Центральной и Восточной Европы.

Его поведение давало надежду людям в разных странах, особенно в Польше, которые не смирились с тем, что придется жить и умирать в условиях коммунистического режима, контролируемого из Москвы. Надежда придавала силы антикоммунистическому и антисоветскому сопротивлению в странах Варшавского договора. Одновременно главной причиной разрушения системы – которая, казалось, будет жить еще десятилетия, если не века, – стала попытка Горбачева реформировать и открыть общество. Невероятный эксперимент настолько стремительно привел к развалу советской империи и самого СССР, что даже самые лютые враги системы пребывали в растерянности.

Азиатская граница

Наконец, чтобы завершить описание геополитической деятельности Войтылы и его влияния на Европу, рассмотрим Азию. В своей энциклике *Ecclesia in Asia* («Церковь в Азии»), опубликованной в 2000 г., Иоанн Павел II утверждал: «Если в первом тысячелетии Крест был установлен на европейской

земле, во втором тысячелетии на американской и африканской земле, то в третьем можно будет надеяться служить мессе для многочисленных верующих этого обширного и населенного континента», т. е. Азии. Желание это, тем не менее, не спешит воплотиться в реальность. Континент, где родился Иисус Христос, сегодня наиболее отдален от римского Слова. «Очень удивительно то, что Спаситель, который родился в Азии, до сих пор остается неизвестным для народов азиатского континента».

Помимо азиатского Средиземноморья, католики в Азии составляют большинство только на Филиппинах (63 миллиона из 76, что равно примерно 83% от общего числа жителей). Затем с большим отрывом следует Индия с почти 13 миллионами католиков, или 1,5% от всего населения. Самый печальный случай – это состояние Римско-католической церкви в Китае. Здесь католики разделены между подпольной Церковью, подчиняющейся Риму, и «патриотической», которая так или иначе контролируется правящим режимом. В общей сложности, в Китае несколько миллионов верующих-католиков, но не более двенадцати.

Незадолго до своей смерти Папа Иоанн Павел II говорил, что ему хотелось бы совершить поездку в Китай. Скорее всего, такой чести удостоится его преемник. Несмотря на переговоры, которые велись неофициально в последние годы между Ватиканом и Пекином, Иоанну Павлу II так и не удалось разрушить стену недоверия со стороны режима. Некоторые боялись, что Римско-католическая церковь, которой будет дана свобода евангелизации Китая, попытается вести подрывную деятельность, как это происходило в Польше. Такая гипотеза не выдерживает никакой критики.

Иоанну Павлу II пришлось противостоять достаточно мощной группировке в пределах самого Ватикана, которая противодействовала диалогу с Пекином, считая это впустую потраченным временем. Все это привело к тому, что дипломатией Ватикана было предпринято несколько противоречивых инициатив в отношении Китая. В особенности это касается

последних лет папства Войтылы, когда его контроль внешней политики Святого престола можно было считать условным. До сих пор не ясно, было ли решение канонизировать святых китайских мучеников 1 октября 2000 г. (годовщина Китайской Народной Республики) намеренной провокацией или ошибкой. Последнее представляется более всего вероятным. Факт, тем не менее, налицо: данный жест охладил отношения между Пекином и Ватиканом на неопределенное время, дав китайским лидерам еще один повод утвердиться в недоверии по отношению к Римско-католической церкви. Только во время похорон Иоанна Павла II появился намек на улучшение отношений, что в будущем могло бы дать надежду на позитивные результаты при новом понтификате. Ясно, что проникновение католицизма в Азию изменило бы приоритеты внутри Святого престола, подвигло бы на переоценку своих действий в Азии с целью связать их с политикой на своей привилегированной территории – в Европе.

Войтыла после Войтылы

От функционеров Ватикана, которые воспринимали Папу Войтылу без особого энтузиазма, часто можно было слышать жалобы на то, что в системе церковной иерархии Папа слишком часто отдавал предпочтение своим землякам. По этой причине находились люди, предрекающие польским прелатам мрачное будущее после того, как уйдет нынешний понтифик. Не считая издержек, определяемых страной рождения Папы, тенденция интернационализации курии, начало которой было положено еще при папе Пие XII, приобрела необратимый характер.

Продвижение границ католицизма в направлении территорий, удаленных от Рима, привела к тому, что наметилось относительное ослабление роли европейцев и, в частности, итальянцев в коллегии кардиналов и в высших органах управления Ватикана.

Церковь в XXI веке готовится стать более интернациональной и менее итальянской. С точки зрения Святого престола, развитие данного феномена идет слишком медленно. Однако история учит нас, что часто папы и кардиналы-итальянцы умели придать своей миссии вселенский характер, создав с течением времени *koine* («общий язык»), который помог Церкви пережить самые трудные времена. Бывает и так, что их коллеги из стран не менее католических, пытаются акцентировать собственные национальные корни, чтобы их воспринимали в первую очередь как представителей определенной страны. Для Церкви существует риск стать менее вселенской в угоду интернационализации. Исторический парадокс для папства, который провозгласил своим девизом евангелизацию без границ.

С приходом папы Ратцингера европейской и мировой политике Святого престола суждено претерпеть изменения. Сегодня мы можем видеть, что Бенедикт XVI ориентирован на укрепление отношений с Соединенными Штатами Америки, на поиск возможностей для диалога между Римом и Москвой, на сотрудничество с коммунистическим Китаем вплоть до изучения вариантов его дипломатического признания (в обход Тайваня).

В отношениях с американцами вновь избранный папа намерен, в частности, опереться на представления и ценности, которые являются взаимоприемлемыми для обеих сторон. Энтузиазм, с которым протестантские круги, близкие к президентскому окружению Буша, встретили избрание на Апостольский престол папы-немца, считающегося консерватором, очень показателен.

Что касается отношения к Ратцингеру православных, то преимущество нового папы состоит в том, что он не является поляком и, следовательно, изначально пользуется некоторым кредитом доверия со стороны Московского Патриархата (который до настоящего времени возглавляет германофил Алексий II). Поездка папы в Россию не относится более к разряду невозможного. Обсуждение насущных вопросов русского

православия (Кирилл) уже дает повод думать, что в этом направлении может быть проделана определенная работа. Необходимо подождать, чтобы увидеть, какотреагирует многочисленный православный мир, будет ли доминировать открытость, или же верх возьмут те силы, которые сегодня составляют большинство и которые считают католическое мессианство несовместимым с целями православия. Поэтому они опасаются папы, считая, что под предлогом диалога он попытается обратить в католичество русские православные души.

Наконец, Китай. Здесь будет решаться судьба Церкви. Иезуиты в шестом веке первыми попытались донести до тех мест Слово Божье и выбрали путь инкультуризации. Они стали китайцами, надеясь на то, что китайцы станут католиками. В течение некоторого времени, главным образом, благодаря усилиям Маттео Риччи, такая стратегия приносила плоды. Казалось, что даже император заинтересовался этими непонятными иностранцами, которые вели себя как китайцы. Затем сама Церковь призвала иезуитов к порядку. С тех пор Рим так и не выработал внятной стратегии поведения в отношении Китая. Но все прекрасно понимают, что Китай – это самое многочисленное собрание человеческих душ на планете, и не учитывать данное обстоятельство невозможно.

Церковь без Европы?

Нынешняя Европа – это не та Европа, которую хотел бы видеть Папа Войтыла. После энтузиазма 1989 года наступил период разочарования. Конечно же, сегодня Европа включает почти всех бывших союзников Москвы, но, тем не менее, мы все еще далеки от культурного, духовного и геополитического единства. В конституционном акте, который стал политическим мертвецом после «нет» французов и голландцев на референдуме в мае-июне 2005 г., ЕС отказался обратиться к тем «христианским корням», которые всегда являлись базовыми для Церкви и которые так ценил Папа Войтыла. Вся евро-

пейская система находится в кризисе, не имеет ясных планов на будущее и, по всей видимости, утратила духовное начало.

Утеряна не только «христианская Европа». Настроения секуляризации и недоверия к христианству по-прежнему преобладают – даже в некоторых странах Центральной Европы, которые, как считал Папа, должны были бы стать новым источником веры и христианской духовности. Еще в январе 2001 г. кардинал Ратцингер утверждал, что даже в его стране, Германии, «присутствует язычество, особенно на территориях, которые находились ранее под коммунистическим режимом. В частности, на севере страны протестантизм разрушается и уступает место язычеству, которое даже не нападает на Церковь, потому что вера стала настолько безучастна, что не испытывает необходимости в критике». Все это вполне можно отнести к другим странам Европы, в том числе и к Италии.

Вопрос стоит так: сможет ли Церковь после Войтылы не только расширить границы своего влияния в мире, но и сохранить уже завоеванные территории – Европу. Католицизм XXI века ориентирован на дополнительные завоевания в Латинской Америке, Африке и, возможно, Азии. Но что произойдет, если он потеряет опору в Европе, Италии, Риме? У Папы Войтылы, по всей видимости, не было времени задаться этим вопросом и, скорее всего, им будут заниматься папа Ратцингер и его преемники.